

Го Чжэньхуа упёрла руки в бока, ничуть не смутившись:

— Ну и что, что мужик? Подумаешь, великое дело! Ты, такой весь из себя «мужик», в детстве в юбках всю фотографируешься и не жужжал!

— Мало ли что было в детстве! — Бу Ли мгновенно вспыхнул, отчаянно пытаясь вытравить из памяти образы себя маленького в кружевных платьицах. Он ткнул в мать обвиняющим перстом: — Я был мелким и ничего не соображал! Это ты меня заставляла!

Го Чжэньхуа лишь беззаботно пожала плечами:

— Зато как мило смотрелось.

Бу Ли вскочил, оперся ладонями о стол, пытаясь придать своему облику максимально суровый и авторитетный вид:

— Детство — это одно, а сейчас — совсем другое. Раздели эти понятия! Я — брутальный парень и не собираюсь заниматься всей этой девчачьей ерундой!

Мать не осталась в долгу и отвесила ему звонкий шлепок пониже спины:

— Это ты мне сейчас будешь рассказывать, что «девчачье», а что нет? На дворе какой век, а ты тут сексизм разводишь?

— Да нет же, я не об этом! — Бу Ли запутался в собственных аргументах. После недолгих мучительных раздумий он решил, что самокритика — лучший выход: — Я хотел сказать, что я криворукий! У меня не получится, я не научусь. Не дано мне, понимаешь? Даже будь я девчонкой, всё равно бы не вышло!

— Не попробуешь — не узнаешь, — продолжала «экзекуцию» Го Чжэньхуа. — Чему я тебя учила? Нужно проявлять инициативу, быть настойчивым. Какой ты мужчина, если пасуешь перед трудностями и только чешешь языком?

Разве это можно сравнивать?! Бу Ли стоял на своём, твердо решив не поддаваться. Он всерьёз подозревал, что мать просто над ним издевается — за годы жизни под её крылом у него выработалась железная бдительность к её подначкам.

Однако Го Чжэньхуа не сдавалась:

— Это же твой босс, в конце концов. Тебе что, совсем на него наплевать?

— У него денег куры не клюют! Обойдётся он без моей заботы.

— Но он же тебе так нравится...

— Тьфу! Да в гробу я его видел!

— Ну, раз ты так настроен, придётся всё отменить?

— Вот и отлично! Давно пора!

Го Чжэньхуа хитро прищурилась:

— А знаешь, сколько они обещали заплатить?

— Понятия не имею! И мне всё равно! — Бу Ли храбрился изо всех сил, но в глубине души закралось смутное сомнение. Что-то в этом диалоге казалось подозрительно знакомым... ситуации как будто поменялись местами.

— Жаль, я хотела отдать эти деньги тебе на карманные расходы... — нанесла мать сокрушительный удар.

— Да я ни за что не... Ой, правда? — Бу Ли переобулся на лету, едва не прикусив язык.

«Магия хрустящих купюр» работала безотказно — особенно в его нынешнем положении.

Спустя час Бу Ли уже сидел под лампой, сосредоточенно щурясь. В левой руке нить, обмотанная трижды, в правой — дважды... под чутким руководством и техническим надзором матери он страдал над азами вязания крючком.

Три дня. Три бесконечных дня он не покидал своего поста, отлучаясь лишь в душ, в туалет и поспать.

Что касается результатов... Слово «катастрофа» было бы слишком мягким. Получившееся нечто можно было описать разве что как «кучка бесформенного недоразумения». Единственный прогресс заключался в том, что теперь у этого недоразумения появились хоть какие-то очертания.

Бу Ли чесал затылок, размышляя, что наступит раньше: он окончательно исколет пальцы или в доме случится пожар.

Кстати, о пожарах. К концу первого дня, когда уровень раздражения пробил все мыслимые

пределы, Бу Ли предусмотрительно собрал в доме все зажигалки, спички и свечи, спрятав их подальше. Он всерьёз опасался, что в порыве ярости сожжёт к чертям и эту проклятую запутанную пряжу, и родную квартиру в придачу.

На четвёртый день Бу Ли впал в прострацию, созерцая дело рук своих.

«Где я? Кто я? И какого дьявола я тут делаю?»

Вселенная бесконечна, и в ней всегда найдутся области, непостижимые для человеческого разума. Мир полон тайн... и боли.

Бу Ли пришёл к выводу, что Чи Лину стоило бы составить ему компанию в изучении этой великой технологии, вобравшей в себя мудрость тысячелетий, мастерство ткачества и законы композиции. Глядишь, все душевные травмы бы как рукой сняло.

К чёрту свадебное платье, к чёрту реликвии, Ли Ми, GT и Фергюсов. Шоу, интриги — всё это тлен!

Ничто не имеет значения перед лицом узла, который невозможно распутать.

Когда Го Чжэньхуа поднялась наверх в компании гости, её взору предстала эпичная картина: Бу Ли со стеклянным взглядом и отсутствующим выражением лица сидел неподвижно, практически слившись с интерьером.

— Это мой сын, — представила его мать. — По паспорту — Бу Ли, а дома зовём Диу-диу.

— Двадцать один год исполнилось, только-только выпустился... Да-да, тот самый, из телевизора...

— Нет-нет, знакомить не надо, рано ещё, мы не торопимся...

— Ой, да он не дурачок, честное слово! Просто не выспался за эти дни...

— Да какой паралич, бог с вами! Мой мальчик очень сообразительный!

До сознания Бу Ли эти обрывки фраз долетали как сквозь слой ваты. Стало невыносимо обидно.

Вместе с матерью пришла женщина примерно того же возраста. Поздоровавшись с Бу Ли, они уселись рядом и начали оживлённо обсуждать схемы вязания, склонившись над чертежами.

— Вы чего это делаете? — Бу Ли наконец моргнул и тупо уставился на них.

— Как что? Помогаем твоему боссу платье чинить, — Го Чжэньхуа расплылась в улыбке. — У тётушки Ли руки золотые, она с такой мелочью за день управится. Изумительная работа!

Бу Ли подбросило, как от удара током. Морок мгновенно спал. Он схватил мать за руку и оттащил в угол, шипя сквозь зубы:

— Ты... ты... ты меня просто обставила!

— Ну а что такого? Ты зато новому научился! Полезный опыт, разве нет? Пусть жизнь тебя немного поучит, что деньги просто так с неба не падают. Нечего дома сиднями сидеть, тебя уже даже кошки сторонятся! — Го Чжэньхуа была само красноречие.

Бу Ли в сердцах ударил кулаком по стене:

— Мама, ты — настоящий стратег!

— А то, — хмыкнула она.

Тётушка Ли оправдала все ожидания. Действуя быстро и профессионально, она закончила кружева в тот же день. Получив заслуженное вознаграждение, мастер удалилась, вполне довольная сделкой.

Бу Ли, потрясённый увиденным, уже потянулся к телефону, чтобы набрать Аду, но мать его перехватила.

Го Чжэньхуа заявила, что спешить не стоит. Пусть вещь полежит у них пару дней.

— Чтобы форму приняла? — наивно уточнил Бу Ли.

Мать покачала пальцем с видом великого мудреца:

— Чтобы они не подумали, будто всё так просто. Пусть помучаются неизвестностью. А я пока поторгуюсь, попробую выбить из них ещё немного денег.

Бу Ли едва не взвыл, стукнув по столу:

— Мам, ну имей совесть!

— Пф-ф, — фыркнула Го Чжэньхуа. — Он мне ни зять, ни невестка. Если не его грабить, то кого?

— Это уже за гранью добра и зла! — Бу Ли снова приложился лбом о столешницу.

Два дня спустя он получил от матери перевод. Если не считать гонорара тётушки Ли, вся остальная сумма досталась ему.

В критический момент на родную мать всё-таки можно положиться. Бу Ли чуть не прослезился от умиления.

Однако сделка ещё не была завершена. Нужно было найти момент, чтобы пришить новое кружево к платью.

Состояние Чи Лина оставляло желать лучшего: он бродил по вилле как неприкаянная тень, и надеяться на то, что Ада просто вынесет платье к ним, не приходилось. Значит, нужно было идти в логово зверя.

Чтобы не мешать работе закуской, Ада договорилась, что заедет за Го Чжэньхуа вечером и отвезёт её на виллу для финального штриха.

— Не поеду, — отрезала мать. — Темно там, жуть берёт. Ты умеешь, ты и иди, — распорядилась она, глядя на сына.

— А, ну да... умею, — до Бу Ли дошло не сразу. Теперь понятно, зачем она его последние дни муштровала, заставляя учить каждый стежок и сверяться со схемами «нить к нити». Всё было просчитано заранее.

Го Чжэньхуа жаловалась, что вилла стоит на отшибе, и по ночам там гуляют такие сквозняки, что кажется, будто за окнами воют призраки. К тому же Чи Лин запрещал зажигать свет. После прошлого визита она долго ворчала, что фэншуй на горе Цзиньдин паршивый, и порывалась даже искупаться в отваре помело, чтобы очиститься от дурного влияния.

Пожилые люди склонны к суевериям, так что её отказ выглядел вполне логичным.

«Но мне-то тоже страшно! Только не призраков я боюсь, а людей...» — подумал Бу Ли, но вслух не признался. Стыдно было.

Ада везла Бу Ли к вилле. Она держалась подчёркнуто официально и холодно, будто они никогда не были знакомы.

Бу Ли всю дорогу нервно прижимал к груди семейную шкатулку с иголками и нитками.

На душе было беспокойно. Предчувствие чего-то недоброго витало в воздухе.

В любом приличном романе в такой ситуации обязательно должно было случиться что-то из ряда вон выходящее.

Но это если ты — главный герой. И если ты занимаешь в жизни хозяина виллы хоть какое-то место.

При этой мысли Бу Ли немного расслабился.

То, что судьба вообще свела его с Чи Лином — уже чудо. Он не знал, на какой строчке в списке приоритетов босса он находится, и был ли там вообще этот список. Си Цю наверняка был в первых рядах, а он...

Скорее всего, ему даже номерка в очереди не досталось.

Они прибыли на место.

Бу Ли, пригнувшись, проскользнул в дом вслед за Адой. Свадебное платье на манекене стояло перед панорамным окном.

Из-за скандала в сети съёмочная группа отключила камеры в студии Чи Лина, а само платье вместе с манекеном перенесли в гостиную виллы.

Ада поднялась на второй этаж, заглянула в одну из комнат и, спустившись, одними губами прошептала: «Спит». Это значило, что Бу Ли может спокойно работать.

Он подошёл к окну, уложил манекен на пол и принялся пришивать кружево к вырезу. Стежки выходили не самыми изящными, но, к счастью, все швы были с изнанки, так что результат выглядел вполне сносно.

Завершив работу, Бу Ли продемонстрировал её Аде. Та осталась довольна. Они направились к выходу, и перед тем как сесть в машину, Ада вежливо поклонилась в знак благодарности.

Бу Ли ответил тем же — в конце концов, за это было уплачено.

Машина стояла прямо перед окном, совсем рядом с домом.

Ада уже открыла дверцу для Бу Ли, как вдруг бросила взгляд на второй этаж и обернулась к

нему:

— Может... хочешь подняться, посмотреть на него?

— Пожалуй, не стоит, — Бу Ли выдавил кривую усмешку. — Сомневаюсь, что он горит желанием меня видеть...

Он не договорил — слова застряли в горле.

В гостиной царил полумрак, а стекло создавало блики, мешая обзору. Но даже так Бу Ли ясно увидел, как с лестницы медленно спускается нечто белое, постепенно приближаясь к окну.

Чёрт! Призрак!

Сердце Бу Ли ушло в пятки. Прежде чем он успел вскрикнуть, Ада мертвой хваткой вцепилась в его плечо и затащила за машину.

— Тсс! — Она прижала его голову вниз, велев не высовываться. Можно было подумать, что из дома вышел не её начальник, а как минимум восставший мертвец.

Ада осторожно выглянула из-за багажника.

Бу Ли, сгорая от любопытства, последовал её примеру.

Чи Лин босиком, бесшумной походкой шёл через гостиную. Его стройные ноги в полумраке казались ослепительно белыми. Шелковый халат небрежно сполз с одного плеча, обнажая крепкую грудь. Пояс был затянут слабо, и казалось, под шелком больше ничего нет.

Он замер у окна перед свадебным платьем. Некоторое время он просто смотрел на него, а затем поднял левую руку и рывком развернул манекен. С резким, сухим треском он расстегнул молнию на спине и одним движением сорвал наряд.

В другой руке Чи Лина блеснули тяжёлые двенадцатидюймовые портновские ножницы.

Лезвия сомкнулись. В тишине раздалось резкое «кляц», затем ещё раз и ещё. Чи Лин с методичным, пугающим спокойствием кромсал ткань, превращая шедевр в гору бесформенных локутов.